

«Я решил, что не буду бояться ничего»

ВАЛЕРИЙ ТОДОРОВСКИЙ

О СВОЕМ ТЕЛЕСЕРИАЛЕ «ОТТЕПЕЛЬ»

Интервью: Ольга Ципенюк

У нашего кино 1960-х есть такая особенность: герои существуют так, будто вокруг нет советской власти. В тех фильмах, в «Июльском дожде» например, есть внешние ее приметы — портреты в кабинетах, магазины, быт, — но люди живут как-то мимо этого. Снимая «Оттепель», вы отдавали дань только этому времени, на которое пришлось детство, или еще чему-то в себе нынешнем?

Да, действительно, это дань моему детству и кругу людей, которые меня всю жизнь окружали. Мои родители, их друзья — все это люди оттуда. Вы замечательно упомянули сейчас Хуциева, потому что, когда я собирался снимать, я пересмотрел все эти фильмы — «Июльский дождь», «Мне двадцать лет», «Долгая счастливая жизнь»... Я не собирался делать стилизацию под кино того времени, но я напитался этим настроением, потому что оно действительно уникально.

Это одна из главных причин, почему я этот фильм снимал. Я хотел снять фильм про то, как людям разрешили жить — и они начали жить. Своей частной жизнью, творческой жизнью, жизнью без идеологии, без страхов явных. И жили они, в отличие от сегодняшнего дня, на реально стоградусных температурах. Запой, романы, самоубийства... Человек, влюбившись, приходил на следующее утро и делал предложение — такое было сплошь и рядом. Это было время, когда можно было увести жену друга. То есть все понимали, что это, в общем, нехорошо, но так происходило, потому что на первом месте были чувства. Человек приходил к другу и говорил: «Я люблю твою жену, и я хочу ее у тебя увести». Потому что любовь — это была некая высшая категория, важнее, чем дружба, порядочность, что-то еще. И поэтому я стал это снимать — не потому, что мне хотелось какой-то политический месседж туда засунуть. Про этих людей, проживавших-сжигавших свою жизнь, и про вот это утерянное ощущение искренности, ощущение свободы. Внезапной, нахлынувшей — не свободы, которая была как данность, а которая пришла вдруг. И люди сказали себе: «Давайте жить здесь и сейчас, сегодня, потому что неизвестно, что будет дальше». А жить — это значит любить, творить, совершать поступки. У меня на предварительном показе был фантастический момент. Среди зрителей я увидел Наталью Борисовну Рязанцеву. И понял, что это человек, которого я боюсь. Она сценарист «Крыльев» и «Долгих проводов», а еще — она первая жена Шпаликова. Это женщина реально оттуда, из того времени и из той киношной среды, про которую и есть наш сериал. И я подумал — вот сейчас она подойдет и скажет: «Валерик, ты соврал». А она сказала: «Все так и было». В «Оттепели» нет вранья не с точки зрения фактологии, а с точки зрения вот этого воздуха, настроения, поведения людей. Да, вот так, в пять утра, приходили, звонили в дверь и гово-

рили: «Я ее люблю, я жить без нее не могу». Так изменяли женам, так возвращались к женам, так дружили, так дрались на поминках и кричали: «Ты сука, ты мразь! Ты не смеешь так говорить о моем друге!». Жизнь шла наотмашь — не обязательно правильная и необязательно идеальная, но эти люди позволяли себе быть собой. Очень многие именно из-за этого рано сторали. Да, было ощущение неволеванности, были самоубийства — миф о том, что в оттепель абсолютно все, кто хотел, могли реализоваться, это ерунда. Все равно цензура работала, система работала, и сценарист Костя Паршин, который в сериале покончил с собой, — это одна из историй, которые тогда случались. И я хотел снять про жизнь на краю эмоций.

Вы сняли фильм про цех, который вам хорошо известен. Что сегодня в этом цеху осталось от того времени?

Ничего не осталось, на мой взгляд. Вообще, по жанру «Оттепель» — это производственная драма. Что такое кино? Это производство, конкретное занятие. И так как оно мне наиболее знакомо и близко и меня окружали всю жизнь люди, занятые этим делом, я решил снять производственный фильм про кино. Там есть начальник, есть съемочный процесс, есть интриги внутренние: этого уволили, этого назначили, этот оператор хороший, но тот круче — одного подвинули, второго поставили. Но если бы я снял фильм только про это, было бы никому не интересно. А я рассказываю историю про то, что на этой площадке происходят мегаотношения и кипят страсти. Это фильм в первую очередь про природу творчества, про людей, которые жертвуют всем ради того, чтобы сотворить что-то, в частности — фильм. Это фильм про любовь, там есть большая мелодрама и сильный любовный треугольник, и к концу сериала вы увидите, как он разовьется, в какой ад превратится для всех троих. И это фильм про высокую дружбу и про жертвы, которые ради нее и ради творчества кладутся на алтарь.

Давайте вернемся к сегодняшнему цеху. Другой уровень техники, другие деньги, другие приемы... Что с искренностью?

Ну невозможно от людей требовать искренности в мире неискреннем. Я не хочу сказать, что то было хорошее время, а сейчас плохое. Вообще-то я думаю, сейчас время гораздо лучше, гораздо лучше. Но за то, что ты живешь в XXI веке, ты должен платить. Вот это романтическое, наивное, детское творчество и восприятие жизни уходит, меняются ставки. Ведь как они тогда жили? Все нищие, все примерно одинаково бедные. Живут в долг — пятерку, червонец там. И никаких вариантов эту ситуацию изменить — пойти заработать, написать сценарий сериала, получить большой гонорар — такого практически не было. А что остается? Жить. Ну как? Вот бутылка портвейна, кусок сыра, на кухне сели, выпили, не

хватило, вышли на улицу — и в загул. А сегодня человек кино может уже при определенных обстоятельствах быть богатым — но надо чем-то платить. Ты не можешь до пяти утра с друзьями сидеть, если хочешь быть в системе. Это и меня касается. И расплата моя в том, что я не могу приехать к вам в гости, у меня не осталось друзей, у меня нет времени на них, у меня не осталось вот этого люфта, воздуха, который позволяет совершать необязательные, глупые и прекрасные поступки, потому что я весь распланирован. И невозможна ситуация, при которой я мог бы выйти в 12 ночи в ларек за сигаретами, позвонить приятелю и, не знаю, сорваться и уехать в Ленинград. Я не могу, у меня утром назначена встреча! В «Оттепели» есть сцена в первой серии, когда у героев девушки сидят в такси... готовые на все, а они девушек бросают и идут на станцию читать стихи в буфете, а потом запивают, и лежат в парке на траве, и качаются на качелях — и так три дня. Тогда это была норма, какая-то неотъемлемая часть жизни. Сегодня человек, который себе такое позволяет — маргинал, аутсайдер, лузер. Если ты можешь себе позволить